

Проектное управление миграционными рисками в регионах Дальнего Востока России

Migration Risks Project Management in the Regions of the Russian Far East

DOI: 10.12737/2587-6279-2026-15-3-54-63

Получено 10.06.2026 / Одобрено: 20.06.2026 / Опубликовано: 25.09.2026

Лукьянец А.С.

Ведущий научный сотрудник Института социальной демографии, ФГБУН «Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН», г. Москва, e-mail: artem_ispr@mail.ru

Lukyanets A.S.

Leading Researcher, Institute of Social Demography, Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Moscow, e-mail: artem_ispr@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются возможности применения проектного управления к регулированию миграционных процессов в субъектах Дальнего Востока России. В этих регионах сохраняющаяся естественная убыль населения сочетается с высокой территориальной дифференциацией миграционного прироста и зависимостью отдельных субъектов от потоков трудовых мигрантов. Эмпирическую основу исследования составили данные Росстата о компонентах изменения численности населения за 2024 г., федеральные и региональные нормативно-правовые акты, а также результаты современных научных исследований. Установлено, что положительное сальдо миграции в Дальневосточном федеральном округе, составившее 24,2 тыс. человек, компенсировало около 80% естественной убыли, достигшей 30,3 тыс. человек. При этом региональная структура миграционных процессов сохранила значительные различия. Общая численность населения увеличилась в четырех субъектах ДФО, тогда как в пяти субъектах положительный миграционный прирост сократил масштабы естественной убыли. В качестве основного результата предложен региональный проектный контур управления миграционными рисками, включающий реестр рисков, распределение ответственности, систему показателей и оценку их эффективности. Практическая значимость работы определяется возможностью применения предложенного подхода при реализации Стратегии демографической политики Дальнего Востока и региональных программ развития.

Ключевые слова: Дальний Восток, миграционные риски, проектное управление, региональные проекты, демографическая политика, закрепление населения, управление портфелем проектов.

Abstract

This article examines the potential of project management to regulate migration processes in the regions of Russia's Far East. In these regions, persistent natural population decline is combined with high territorial differentiation in net migration and the dependence of individual regions on labor migrant flows. The empirical basis of the study is Rosstat data on the components of population change for 2024, federal and regional regulations, and the results of modern scientific research. It was found that the positive migration balance in the Far Eastern Federal District, amounting to 24,200 people, offset approximately 80% of the natural population decline, which reached 30,300 people. At the same time, the regional structure of migration processes retained significant differences. The total population increased in four regions of the Far Eastern Federal District, while in five regions, positive net migration reduced the scale of natural population decline. The main outcome is a proposed regional project framework for managing migration risks, including a risk register, responsibility assignment, a system of indicators, and an assessment of their effectiveness. The practical significance of this work lies in the potential application of the proposed approach in implementing the Far East Demographic Policy Strategy and regional development programs.

Keywords: Russian Far East, migration risks, project management, regional projects, demographic policy, population retention, project portfolio management.

Введение

Демографическая ситуация в регионах Дальнего Востока России по-прежнему остается непростой, сохраняя тренд на депопуляцию. Ее детерминантами являются огромная территория, низкая плотность населения, удаленность значительной части населенных пунктов, сложные природно-климатические условия и высокая стоимость создания социальной инфраструктуры. В сложившихся условиях даже сравнительно небольшое изменение миграционных потоков заметно влияет на численность населения, его возрастную структуру, предложение рабочей силы и кадровое обеспечение крупных инвестиционных проектов.

На этом фоне отдельные признаки улучшения миграционной ситуации, появившиеся в последние годы, требуют осторожной оценки. По итогам 2024 г. Дальневосточный федеральный округ получил положительный миграционный прирост, который существенно сократил совокупные демографические

потери. Вместе с тем положительное сальдо распределилось между субъектами крайне неравномерно и во многом было связано с реализацией крупных промышленных и инфраструктурных проектов. Подобные проекты создают значительный спрос на временную рабочую силу, однако устойчивое закрепление работников и членов их семей достигается крайне редко.

Выявленные различия показывают, что миграционная и демографическая политика региона действительно должны развиваться согласованно. Сейчас многие решения принимаются в рамках отдельных программ и потому слабо коррелируют между собой, что затрудняет оценку их общего влияния на демографическую ситуацию. Проектный подход помогает выстроить более цельную систему, он связывает конкретные меры с поставленными задачами, позволяет заранее учитывать риски и закрепляет ответственность за достигнутый результат.

Научная проблема исследования заключается в отсутствии целостного проектного механизма, связывающего оценку миграционных рисков в субъектах ДФО с их устойчивым развитием. Дополнительную сложность также создает выраженная региональная дифференциация субъектов, при которой единый набор решений не учитывает различия в структуре населения, состоянии рынка труда, доступности жилья и социальной инфраструктуры. В связи с этим и возникает необходимость разработки механизма, связывающего выявление миграционных рисков и региональных проектов и программ, позволяющих оперативно реагировать на вышеуказанные риски.

Гипотеза исследования заключается в предположении, что внедрение регионально дифференцированного проектного контура повысит результативность управления миграционными рисками, с целью снижения миграционного оттока населения из субъектов Дальнего Востока России. Основным критерием результативности станет стабилизация численности и структуры постоянного населения в исследуемых регионах России.

Целью исследования является разработка проектного подхода к управлению миграционными рисками в регионах Дальнего Востока России на основе актуальной данных о демографической ситуации, нормативно-правовых актов и действующих региональных программах развития. Для достижения поставленной цели необходимо определить основные группы миграционных рисков, выявить их территориальную дифференциацию и сформировать профили субъектов. Основным результатом станет проектный контур управления, ориентированный на привлечение, адаптацию и долгосрочное закрепление населения при одновременном снижении миграционного оттока.

Анализ научной литературы

Для решения поставленной задачи предполагается использовать единый, комплексный подход, сочетающий управление проектами, риск-менеджмент, региональную экономику и демографию. Национальный стандарт ГОСТ Р ИСО 21502–2024 рассматривает проект как способ создания ценности и допускает применение проектного управления в организациях любого типа независимо от масштаба, длительности и используемой модели жизненного цикла [1]. В свою очередь, принципы риск-менеджмента предусматривают систематическое выявление

неопределенности, оценку возможных последствий, выбор мер воздействия и последующий мониторинг [2]. Совмещение данных положений позволяет рассматривать миграционный риск как управляемое отклонение от целевых параметров регионального развития.

В развитие данного подхода современные исследования региональных проектов показывают возрастающее значение инфраструктурных решений для устойчивости территорий. А.А. Гочуева приходит к выводу, что «для создания устойчивой инфраструктуры необходимо развитие устойчивого проектного управления» [3, с. 3]. Ф. Си, А.В. Барабошкина и А.З. Бобылева связывают преобладание национальных проектов с возможностью «сфокусироваться на решении стратегических задач» [4, с. 40]. Существенное значение имеет и структура финансового обеспечения, поскольку М.А. Печенская-Полищук установила, что «7/10 реализованного бюджетного потенциала субъектов Российской Федерации использовалось на текущий приоритет» [5, с. 27]. При такой структуре расходов долгосрочные инвестиции в жилье, занятость, транспорт, образование и здравоохранение могут уступать мерам краткосрочной стабилизации, которые не всегда создают устойчивые условия для закрепления населения.

Применительно к Дальнему Востоку данная проблема раскрывается через региональную дифференциацию естественного и миграционного движения населения, доступность мер поддержки и состояние социальной инфраструктуры. Ранее проведенные нами исследования убедительно показывают, что демографическая ситуация в Дальневосточном федеральном округе остается крайне острой и выражается в устойчивом сокращении численности [6, с. 90]. Анализ социально-экономических и демографических последствий природных катаклизмов дополняет этот вывод оценкой влияния климатических и инфраструктурных факторов на мобильность населения, безопасность поселений и устойчивость региональной экономики [7]. Поэтому в систему миграционных рисков следует включать территориальные различия, природно-климатические угрозы и способность региональных программ учитывать специфику отдельных субъектов.

Дальнейшая конкретизация миграционных рисков связана с возрастной и пространственной структурой потоков. Е.М. Моисеева отмечает, что «миграционные процессы в дальневосточном макрорегионе имеют выраженную возрастную специфику»

[8, с. 134]. Молодежь, семьи с детьми и население старших возрастов по-разному реагируют на доходы, стоимость жизни, состояние рынка труда и доступность социальных услуг. М.П. Кулаков и С.Н. Мишук выявили особенности возрастной структуры миграционных потоков и предложили инструменты более точной оценки перемещений населения [9]. М.Н. Храмова и Д.П. Зорин связали межрегиональный отток с сокращением демографического потенциала и изменением возрастной структуры [10], а Ф.М. Гарибова показала устойчивую зависимость миграции от качества жизни и территориальной доступности социальных услуг [11].

Наряду с демографическими факторами существенное значение имеет институциональная организация миграционной политики. С.Н. Мишук выявила различия в распределении полномочий между органами власти субъектов ДФО и пришла к выводу об «отсутствии единого унифицированного подхода к организации институциональной структуры управления миграционными процессами» [12, с. 151]. С.М. Войнов и В.Ю. Леденева показывают ограниченность действующих механизмов адаптации иностранных трудовых мигрантов и необходимость количественных критериев оценки их результативности [13]. Исследования международной трудовой миграции также подтверждают ее зависимость от отраслевой специализации регионов, масштабов инвестиционных проектов и изменения стран происхождения работников [14]. Опыт Амурской области показывает, что крупные проекты способны усиливать разрыв между временной занятостью приезжих работников и возможностями постоянного трудоустройства местного населения [15].

Связь миграционного оттока с экономической моделью макрорегиона наиболее последовательно раскрыта Ю.А. Авдеевым. По его мнению, «предпринимаемые усилия по улучшению жизни без изменения структуры производства не приводят к желаемому результату» [16, с. 299]. Данное положение указывает на необходимость согласования проектов удержания населения с долгосрочной трансформацией занятости, производственной специализации, городской среды и системы социальных услуг. Только при таком согласовании региональная привлекательность приобретает устойчивый характер.

Материалы и методы исследования

Поставленная проблема потребовала рассмотреть миграцию в связи с общими условиями социально-

экономического развития регионов Дальнего Востока. Исследование охватило все одиннадцать субъектов ДФО и было сосредоточено на том, как проектное управление может использоваться для работы с миграционными рисками.

Информационную основу исследования составили данные Росстата об оценке численности постоянного населения на 1 января 2025 г. и компонентах ее изменения за 2024 г. [20]. Дополнительно использовались положения Стратегии демографической политики Дальнего Востока на период до 2030 г. и на перспективу до 2036 года [18], Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 гг. [19] и материалы Корпорации развития Дальнего Востока и Арктики о реализации мастер-планов городов [21]. Выбор 2024 г. в качестве основного расчетного периода был обусловлен наличием полного и сопоставимого массива данных по естественному и миграционному движению населения всех субъектов ДФО.

Выбор методов определялся необходимостью последовательно перейти от статистической оценки к региональной типологии и управленческим предложениям. Статистический метод использовался для сопоставления естественного, миграционного и общего приростов населения. Сравнительный (компаративный) метод позволил определить различия между субъектами ДФО, а типологический был применен при формировании региональных профилей миграционного риска. Проектный метод обеспечил разработку последовательности управленческих действий, системы ответственности и портфеля проектов реагирования.

Для сопоставления региональных результатов была рассчитана степень миграционного замещения естественной убыли. Показатель определяется отношением положительного миграционного прироста к абсолютному значению естественной убыли. Значение менее 100% характеризует неполную компенсацию демографических потерь, уровень около 100% отражает состояние краткосрочного баланса, а превышение данного порога свидетельствует о способности миграционного прироста обеспечить общий рост населения при сохраняющейся естественной убыли. Содержательная оценка показателя требует учета структуры прибывшего населения и продолжительности его проживания.

Динамика миграционных рисков в регионах Дальнего Востока

Применение выбранной методики показало возросшее значение миграционного компонента в текущей демографической динамике макрорегиона. По данным Росстата, численность населения Дальневосточного федерального округа на 1 января 2024 г. составляла 7 866,3 тыс. человек. За 2024 г. естественная убыль достигла 30,3 тыс. человек, миграционный прирост составил 24,2 тыс. человек, а общее сокращение оказалось равным 6,1 тыс. человек. В результате на 1 января 2025 г. в федеральном округе проживало 7 860,3 тыс. человек [20]. Миграция компенсировала около 80% естественной убыли, поэтому общая демографическая динамика все сильнее зависит от устойчивости притока, его возрастной и квалификационной структуры, а также способности регионов обеспечить постоянную занятость и приемлемые условия жизни.

Вместе с тем распределение компонентов изменения численности населения между регионами оказалось крайне неоднородным. Положительный миграционный прирост был зафиксирован в девяти субъектах ДФО, тогда как отрицательные значения сохранились в Еврейской автономной области и Чукотском автономном округе. Общая численность населения увеличилась в Республике Саха (Якутия), Амурской, Магаданской и Сахалинской областях. В Сахалинской области миграционный прирост превысил естественную убыль всего на семь человек, что соответствует состоянию предельного демографического баланса (табл. 1).

Полученные значения позволили выделить пять региональных профилей миграционного риска. Первый профиль представлен Республикой Саха (Якутия), где положительные значения естественного и миграционного прироста обеспечили увеличение численности населения на 4,9 тыс. человек.

Ко второму профилю относятся Амурская и Магаданская области, где миграционный прирост превысил естественную убыль и обеспечил общий рост населения, а степень миграционного замещения составила около 172% и 267% соответственно. Однако высокая статистическая результативность еще не означает устойчивого демографического эффекта, поскольку многое зависит от состава миграционного притока, продолжительности проживания и характера занятости прибывающих. Когда миграция связана главным образом с временной работой на инвестиционных проектах, приток населения сохраняется лишь на период их реализации, а территория становится зависимой от жизненного цикла отдельных производственных объектов.

Третий профиль представлен Сахалинской областью, где миграционный прирост почти полностью компенсировал естественную убыль. Население выросло всего на семь человек, поэтому сложившееся равновесие остается крайне неустойчивым и во многом зависит от ситуации на рынке труда и доступности жилья.

В Бурятии, Забайкальском, Камчатском, Приморском и Хабаровском краях миграционный приток смягчил естественную убыль, но не остановил сокращение населения. Его компенсирующий эф-

Таблица 1

Компоненты изменения численности населения регионов ДФО за 2024 г., человек

Субъект	На 01.01.2024	Естественный прирост	Миграционный прирост	Общий прирост	На 01.01.2025
Республика Бурятия	971 922	-2347	+1564	-783	971 139
Республика Саха (Якутия)	1 001 664	+2529	+2368	+4 897	1 006 561
Забайкальский край	984 395	-4170	+3613	-557	983 838
Камчатский край	288 947	-1003	+256	-747	288 200
Приморский край	1 806 393	-10439	+3705	-6 734	1 799 659
Хабаровский край	1 278 132	-6867	+2223	-4 644	1 273 488
Амурская область	750 083	-4122	+7085	+2 963	753 046
Магаданская область	133 387	-693	+1850	+1 157	134 544
Сахалинская область	457 590	-2 056	+2063	+7	457 597
Еврейская автономная область	145 802	-1111	-263	-1374	144 428
Чукотский автономный округ	48 029	-9	-242	-251	47 778
ДФО	7 866 344	-30 288	+24 222	-6066	7 860 278

Источник. Составлено автором по данным Росстата [20].

фект заметно различался и составлял от 25,5% на Камчатке до 86,6% в Забайкалье.

Наиболее напряженная ситуация сформировалась в Еврейской автономной области и Чукотском автономном округе, образующих пятый профиль. Здесь отрицательное миграционное сальдо сопровождалось общим сокращением населения. В Еврейской автономной области потери достигли 1,4 тыс. человек, что соответствует почти 1% населения за один год. В Чукотском автономном округе общая убыль составила 251 человек при крайне небольшой численности населения. В данных субъектах проектное управление должно предусматривать ограниченное число приоритетных проектов с высокой концентрацией ресурсов и постоянным контролем получаемых результатов, в том числе связанных со стабилизацией численности населения.

Сопоставление выделенных профилей подтверждает ограниченность применения единого набора мер во всех субъектах ДФО. Регион с положительным миграционным приростом может сохранять высокий риск депопуляции, а формальная стабилизация численности способна сопровождаться ростом доли временных работников и сокращением молодых постоянных жителей. Поэтому миграционный результат проекта необходимо оценивать через численность закрепившегося населения, его возрастную и квалификационную структуру, семейный состав и продолжительность проживания. Различия в степени миграционного замещения естественной убыли представлены на рис. 1.

Результаты исследования и проектный контур управления

Выявленные региональные профили позволили определить основные группы миграционных рисков Дальнего Востока. К ним относятся устойчивый межрегиональный отток молодежи, несоответствие квалификационной структуры населения потребностям экономики, преобладание временной и вахтовой занятости, недостаточная адаптация иностранных работников, ограниченная доступность социальной и транспортной инфраструктуры, вынужденная мобильность вследствие природных катаклизмов и институциональная несогласованность. Каждая группа имеет собственную территориальную выраженность, набор индикаторов и возможные проекты реагирования.

Для перевода выявленных рисков в систему управленческих решений предлагается региональный проектный контур. Под ним понимается постоянно действующая система выявления рисков, отбора проектов реагирования, распределения полномочий, ресурсного обеспечения, мониторинга и корректировки решений.

Работа с миграционными рисками начинается с регионального реестра, в котором отражаются характер риска и группы населения, которых он затрагивает, там же указываются исходные показатели, возможные последствия, действующие меры и ответственные органы. Реестр обновляется ежеквартально по данным статистики, служб занятости, образовательных учреждений, работодателей и муниципалитетов.

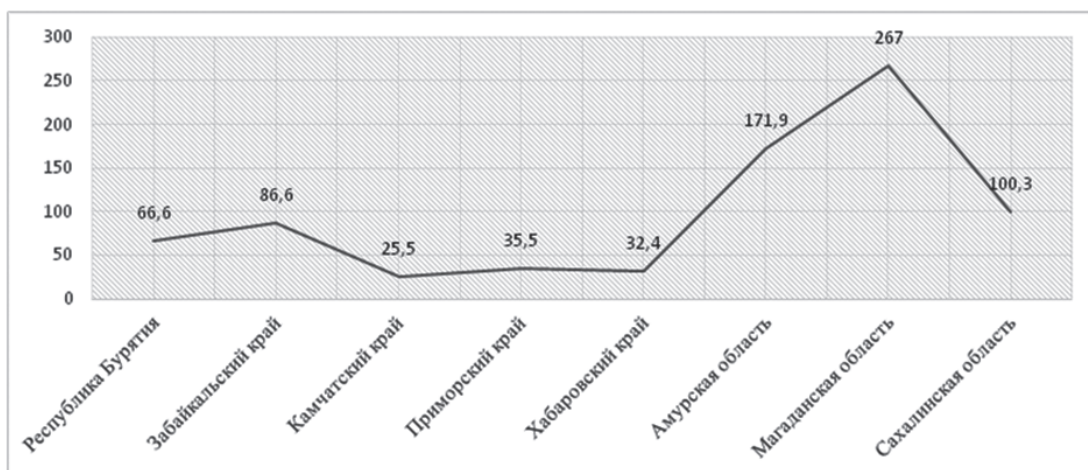

Рис. 1. Степень миграционного замещения естественной убыли в регионах ДФО с положительным миграционным приростом в 2024 г., %

Источник. Рассчитано автором по данным Росстата [20]. Республика Саха (Якутия) не включена, поскольку в 2024 г. в регионе сохранялся естественный прирост.

Далее необходимо распределить ответственность и назначить ответственное структурное подразделение в рамках региональных правительств. Такой подразделение должно обладать полномочиями по организации межведомственного взаимодействия и координации деятельности отраслевых органов власти, муниципалитетов, институтов развития и крупных работодателей. Проектный комитет субъекта рассматривает отклонения показателей и принимает решения о запуске, изменении или завершении проектов реагирования. Функции методического сопровождения при этом закрепляются за региональным проектным офисом.

На основе реестра и распределенной ответственности формируется портфель проектов реагирования. Он включает проекты привлечения квалифицированных специалистов, закрепления выпускников, развития арендного жилья, повышения доступности медицинских и образовательных услуг, адаптации иностранных работников, поддержки семейный с детьми и повышения транспортной доступности. Отбор проектов проводится с учетом регионального профиля риска. Для Амурской и Магаданской областей приоритет получает закрепление работников крупных проектов и членов их семей, для Приморского и Хабаровского краев особое значение имеют удержание молодежи и развитие конкурентной городской среды. В Еврейской автономной области и Чукотском автономном округе требуется концентрация ресурсов на ограниченном числе муниципальных центров.

Согласование проектов внутри портфеля требует общей системы контрольных показателей. Традиционные значения количества прибывших, созданных рабочих мест и введенных объектов не дают полной оценки миграционного результата. В систему мониторинга следует включить сальдо межрегиональной миграции населения в возрасте 18–39 лет, долю работников, сохранивших постоянное проживание через один и три года после трудоустройства, и долю выпускников, работающих в регионе. Дополнительное значение также имеют обеспеченность арендным жильем, доля постоянных рабочих мест в новых инвестиционных проектах, доступность образования и здравоохранения, результаты адаптационных мероприятий и степень миграционного замещения естественной убыли.

Оценка миграционного результата должна показывать, насколько устойчиво люди закрепляются в регионе, поэтому в систему мониторинга входят

сальдо межрегиональной миграции населения 18–39 лет, доля работников, сохранивших постоянное проживание через один и три года после трудоустройства, а также доля выпускников, оставшихся работать в регионе. Устойчивость этого процесса во многом зависит от доступности арендного жилья, образования и здравоохранения, числа постоянных рабочих мест и результатов адаптационных мероприятий. Такой порядок позволяет определить устойчивость созданной занятости и фактическое изменение миграционной привлекательности территории [17, с. 10].

Завершающим элементом проектного контура является его связь с нормативной базой стратегического планирования. Стратегия демографической политики Дальнего Востока на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года определяет задачи сохранения населения, регулирования трудовой миграции, привлечения студентов и квалифицированных специалистов [18]. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 гг. закрепляет плановый характер реализации миграционной политики и необходимость повышения управляемости миграционных процессов [19]. В результате региональный проектный контур становится механизмом перевода стратегических положений в систему конкретных проектов и измеримых результатов.

Географией применения предложенного подхода выступают мастер-планы 25 городов Дальнего Востока, охватывающие территории проживания более 4 млн человек. После их актуализации в 2025 г. на период до 2030 г. было предусмотрено 1057 мероприятий. К февралю 2026 г. 200 объектов были завершены, 315 находились в стадии строительства, 88 проектировались и 454 планировались к реализации [21]. Масштаб программы формирует значительную инфраструктурную основу миграционной привлекательности. Одновременно каждый объект требует оценки по его влиянию на доступность услуг, качество городской среды, создание постоянных рабочих мест и закрепление населения (табл. 2).

Предложения и рекомендации

Внедрение предложенного подхода должно начинаться с создания регионального реестра миграционных рисков в каждом субъекте ДФО. Реестр должен быть связан с информационными системами занятости, образования, строительства и социальной защиты. Состав показателей должен учиты-

Таблица 2

Основные миграционные риски и проекты реагирования

Риск	Основные индикаторы	Проекты реагирования	Сфера ответственности
Демографический	Естественная убыль, возрастная структура, степень миграционного замещения	Привлечение и поддержка мигрантов и их семей, развитие услуг для семей, закрепление молодых специалистов	Региональный проектный комитет, органы социальной политики
Межрегиональный отток	Сальдо миграции населения 18–39 лет, отток выпускников, длительность проживания	Региональная карьера, арендное жилье с возможностью последующего оформления в собственность, целевая подготовка, городская среда	Органы власти в сфере экономики и финансов, образования, занятости, а также местного самоуправления
Кадровый дисбаланс	Дефицит квалификаций, незакрытые вакансии, доля вахтовой занятости	Подготовка кадров под инвестиционные проекты, переобучение, организованная миграция	Работодатели, органы занятости и образования
Адаптационный	Участие мигрантов в программах адаптации, трудовая легализация, число конфликтных ситуаций	Языковая, правовая и социальная адаптация, мигрантов, сопровождение работодателей	Органы внутренних дел, занятости, и местного самоуправления
Инфраструктурный	Доступность жилья, медицины, образования, транспорта и цифровых услуг	Арендное жилье, социальная инфраструктура, транспортные и цифровые проекты	Органы строительства, транспорта, здравоохранения, образования
Природно-климатический	Численность населения в опасных зонах, ущерб инфраструктуре, вынужденные перемещения	Защита поселений, резервное жилье, восстановление инфраструктуры, страховые механизмы	Органы гражданской защиты, строительства, муниципалитеты
Институциональный	Дублирование полномочий, сроки обновления данных, отсутствие владельца риска	Единый реестр, проектный офис, межведомственная цифровая панель, регулярный аудит	Высший исполнительный орган субъекта РФ

Источник. Разработано автором.

вать территориальную специфику, а в регионах с малой численностью населения абсолютные значения целесообразно использовать совместно с относительными (коэффициентами). Это связано с тем, что даже сравнительно небольшие потоки оказывают заметное влияние на общую демографическую динамику.

Продолжением реестра должен стать демографический паспорт регионального или инвестиционного проекта. В нем необходимо отразить потребность в рабочей силе, предполагаемую структуру притока, долю постоянной занятости, обеспеченность жильем, нагрузку на медицинские и образовательные учреждения, а также ожидаемый уровень закрепления работников и членов их семей. Паспорт проекта позволит оценить преференциальные режимы и мастер-планы по их влиянию на закрепление населения. При высокой вахтовой занятости проект должен поддерживать подготовку местных кадров, развитие арендного жилья и способствовать переезду работников и их семей, благодаря чему, гипотетически, инвестиционная деятельность даст территории устойчивый демографический результат, заключающийся в оттоке постоянного населения, притоке из других субъектов или стран и общей стабилизации численности населения во всем Дальневосточном федеральном округе.

В субъектах четвертого и пятого профилей следует формировать портфели проектов по снижению миграционного оттока, которые могут включать поддержку трудоустройства выпускников, компенсацию аренды жилья, развитие телемедицины, транспорта и малого бизнеса. Общие сроки и показатели позволят оценить влияние этих мер на закрепление населения.

Отдельное, совершенно особенное направление связано с закреплением молодежи после завершения обучения. Университеты Дальнего Востока могут и должны поддерживать данный процесс посредством связи образовательных программ с региональным рынком труда, дальнейшим трудоустройством выпускников. Образовательные проекты следует увязывать с международной трудовой миграцией и кадровыми планами работодателей. Устойчивый миграционный результат возникает там, где вложения рассчитаны на длительное проживание людей в регионе, в силу чего финансирование следует направлять, прежде всего, на развитие жилищных условий, транспортной и социальной инфраструктуры. Работа с миграционными рисками должна опираться на регулярную оценку и пересмотр принятых решений. Общие подходы к мониторингу позволят увидеть реальное положение регионов Дальнего Востока и понять, какие проекты действительно помогают удерживать население.

Заключение

В данном исследовании было установлено, что миграция уже стала одним из главных факторов изменения численности населения ДФО. Так, в 2024 г. ее прирост компенсировал около 80% естественной убыли, однако общий итог по округу остался отрицательным. При этом положение отдельных регионов заметно различалось, в Якутии рост поддерживался сразу двумя компонентами, в Амурской и Магаданской областях миграция перекрыла естественные потери, на Сахалине сложилось почти нулевое равновесие.

Такое расхождение позволило выделить пять региональных профилей, их сопоставление показало, что одинаковая миграционная политика для всего ДФО вряд ли даст устойчивый результат. В одном случае требуется удерживать молодежь, в другом закреплять работников крупных проектов, в третьем сдерживать отток из малых и удаленных поселений, особенно чувствительны к таким изменениям малонаселенные территории, где даже небольшой поток быстро меняет общую картину.

По нашему мнению, миграционный прирост следует оценивать по тому, насколько долго люди

остаются в регионе. Временный приток работников способен улучшить статистику, но после завершения проекта его эффект быстро исчезает. В силу этого отдельное значение имеют постоянная занятость, доступное жилье и возможность связать с территорией семейную жизнь, те же критерии относятся к выпускникам дальневосточных вузов, поскольку сам факт обучения в регионе еще не означает последующего закрепления.

Дальнейшее исследование должно охватить несколько последовательных лет, поскольку данные за один период отражают только текущее состояние, что позволит проследить, сколько работников и выпускников действительно остается на Дальнем Востоке, как меняется состав миграционных потоков и сохраняются ли выделенные профили. Отдельного внимания требует муниципальный уровень, где региональные показатели часто скрывают сокращение небольших городов и поселений. Изучение этих процессов поможет точнее определить проекты, которые способны удерживать население и менять демографическую траекторию региона.

Литература

- ГОСТ Р ИСО 21502-2024. Управление проектами, программами и портфелями. Руководство по управлению проектами. — М.: Российский институт стандартизации, 2024. — 52 с. URL: <https://protect.gost.ru/gost/details/5076c5f3-36ac-4469-bf04-7a268681b08a> (дата обращения: 22.07.2026).
- ГОСТ Р ИСО 31000-2019. Менеджмент риска. Принципы и руководство. — М.: Стандартинформ, 2020. — 20 с.
- Гочуева А.А. Роль инфраструктурных проектов в реализации концепции устойчивого развития [Текст] / А.А. Гочуева // Научные исследования и разработки // Российский журнал управления проектами. — 2025. — Т. 14. — № 1. — С. 3–11. — DOI: 10.12737/2587-6279-2025-14-1-3-11
- Си Ф. Государственное управление устойчивым развитием. Опыт России и Китая [Текст] / Ф. Си, А.В. Барабошкина, А.З. Бобылева // Научные исследования и разработки. Российский журнал управления проектами. — 2024. — Т. 13. — № 3. — С. 40–47. — DOI: 10.12737/2587-6279-2024-13-3-40-47
- Печенская-Полищук М.А. Оценка приоритетов использования программных бюджетных расходов в регионах Российской Федерации [Текст] / М.А. Печенская-Полищук // Научные исследования и разработки. Российский журнал управления проектами. — 2024. — Т. 13. — № 3. — С. 27–39. — DOI: 10.12737/2587-6279-2024-13-3-27-39
- Лукьянец А.С. Особенности региональной демографической политики в национальных субъектах Дальневосточного федерального округа [Текст] / А.С. Лукьянец // Вестник Алтайской академии экономики и права. — 2025. — № 12-1. — С. 90–96. — DOI: 10.17513/vaael.4416
- Лукьянец А.С. Социально-экономические и демографические последствия природных катаклизмов на Дальнем Востоке [Текст] / А.С. Лукьянец, Шанг Ле Тхань, Ф.М. Гарибова // Вестник Алтайской академии экономики и права. — 2024. — № 2-2. — С. 218–223. — DOI: 10.17513/vaael.3264
- Моисеева Е.М. Факторы миграции населения на Дальнем Востоке. Пространственные и возрастные особенности [Текст] / Е.М. Моисеева // ДЕМИС. Демографические исследования. — 2025. — Т. 5. — № 3. — С. 134–155. DOI: 10.19181/demis.2025.5.3.9
- Кулаков М.П. Динамика и возрастная структура миграционных потоков регионов Дальнего Востока [Текст] / М.П. Кулаков, С.Н. Мищук // Экономические и социальные перемены. Факты, тенденции, прогноз. — 2025. — Т. 18. — № 1. — С. 220–242. — DOI: 10.15838/esc.2025.1.97.13
- Храмова М.Н. Межрегиональная миграция на Дальнем Востоке России и ее влияние на демографическую безопасность [Текст] / М.Н. Храмова, Д.П. Зорин // ДЕМИС. Демографические исследования. — 2024. — Т. 4. — № 4. — С. 152–164. — DOI: 10.19181/demis.2024.4.4.9
- Гарибова Ф.М. Демографическое развитие Дальнего Востока России [Текст] / Ф.М. Гарибова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Экономика. — 2024. — Т. 32. — № 4. — С. 803–816. — DOI: 10.22363/2313-2329-2024-32-4-803-816
- Мищук С.Н. Институциональная структура обеспечения миграционной политики в субъектах Дальневосточного федерального округа [Текст] / С.Н. Мищук // Уровень

- жизни населения регионов России. — 2022. — Т. 18. — № 2. — С. 151–161. DOI: 10.19181/lsprr.2022.18.2.1
13. Войнов С.М. Механизмы адаптации иностранных трудовых мигрантов в Дальневосточном федеральном округе [Текст] / С.М. Войнов, В.Ю. Леденева // ДЕМИС. Демографические исследования. — 2025. — Т. 5. — № 3. — С. 156–176. DOI: 10.19181/demis.2025.5.3.10
 14. Мишук С.Н. Трансформация международной трудовой миграции на Дальнем Востоке России в постсоветский период [Текст] / С.Н. Мишук // География и природные ресурсы. — 2023. — Т. 44. — № 4. — С. 137–147. — DOI: 10.15372/GIPR20230414
 15. Алхасов С.С. Трудовая миграция в приграничном регионе по данным онлайн-рекрутмента на материалах Амурской области [Текст] / С.С. Алхасов, С.В. Рязанцев // Уровень жизни населения регионов России. — 2021. — Т. 17. — № 4. — С. 431–441. — DOI: 10.19181/lsprr.2021.17.4.1
 16. Авдеев Ю.А. Дальний Восток. Как остановить отток населения и сделать его привлекательным [Текст] / Ю.А. Авдеев // Уровень жизни населения регионов России. — 2021. — Т. 17. — № 3. — С. 299–313. — DOI: 10.19181/lsprr.2021.17.3.1
 17. Влияния миграционных процессов на политическую, социальную и экономическую обстановку, демографическую ситуацию и национальную безопасность в современной России / Л.В. Матраева, Е.С. Васютина, Н.И. Архипова [и др.]. — М.: Изд-во Российского университета дружбы народов, 2024. — 297 с.
 18. Стратегия демографической политики Дальнего Востока на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года. Утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 2 февраля 2026 г. № 170-р. — URL: <https://static.government.ru/media/files/T9ePmAniCPclFtB12js06F08Xca36dIH.pdf> (дата обращения: 22.07.2026).
 19. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы. Утв. Указом Президента Российской Федерации от 15 октября 2025 г. № 738. — URL: <https://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/qVoObOeUrplFcowQJADmTEz6DYjp7thW.pdf> (дата обращения: 22.07.2026).
 20. Оценка численности постоянного населения на 1 января 2025 г. и в среднем за 2024 г. и компоненты ее изменения // Федеральная служба государственной статистики. — URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/OkPopul_Comp2025_Site.xlsx (дата обращения: 22.07.2026).
 21. Эльвира Нургалиева. Реализация мастер-планов городов ДФО вышла на отметку в 200 выполненных объектов // Корпорация развития Дальнего Востока и Арктики. 17 февраля 2026 г. — URL: <https://erdc.ru/news/elvira-nurgalieva-realizatsiya-master-planov-gorodov-dfo-vyshla-na-otmetku-v-200-vypolnennykh-obekto> (дата обращения: 22.07.2026).
 3. Gochueva A.A. The role of infrastructure projects in implementing the sustainable development concept. Nauchnye issledovaniya i razrabotki. Rossiiskii zhurnal upravleniya proektami [Scientific Research and Development. Russian Journal of Project Management], 2025, vol. 14, no. 1, pp. 3–11. DOI: 10.12737/2587-6279-2025-14-1-3-11. (In Russian).
 4. Si F., Baraboshkina A.V., Bobyleva A.Z. Public administration of sustainable development. The experience of Russia and China. Nauchnye issledovaniya i razrabotki. Rossiiskii zhurnal upravleniya proektami [Scientific Research and Development. Russian Journal of Project Management], 2024, vol. 13, no. 3, pp. 40–47. DOI: 10.12737/2587-6279-2024-13-3-40-47. (In Russian).
 5. Pechenskaya-Polishchuk M.A. Assessment of priorities for the use of programme budget expenditures in the regions of the Russian Federation. Nauchnye issledovaniya i razrabotki. Rossiiskii zhurnal upravleniya proektami [Scientific Research and Development. Russian Journal of Project Management], 2024, vol. 13, no. 3, pp. 27–39. DOI: 10.12737/2587-6279-2024-13-3-27-39. (In Russian).
 6. Lukyanets A.S. Features of regional demographic policy in the national constituent entities of the Far Eastern Federal District. Vestnik Altaiskoi akademii ekonomiki i prava [Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law], 2025, no. 12-1, pp. 90–96. DOI: 10.17513/vaael.4416. (In Russian).
 7. Lukyanets A.S., Shang Le Thanh, Garibova F.M. Socio-economic and demographic consequences of natural disasters in the Far East. Vestnik Altaiskoi akademii ekonomiki i prava [Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law], 2024, no. 2-2, pp. 218–223. DOI: 10.17513/vaael.3264. (In Russian).
 8. Moiseeva E.M. Migration factors in the Far East. Spatial and age-specific features. DEMIS. Demograficheskie issledovaniya [DEMIS. Demographic Research], 2025, vol. 5, no. 3, pp. 134–155. DOI: 10.19181/demis.2025.5.3.9. (In Russian).
 9. Kulakov M.P., Mishchuk S.N. Dynamics and age structure of migration flows in the regions of the Far East. Ekonomicheskie i sotsialnye peremeny. Fakty, tendentsii, prognoz [Economic and Social Changes. Facts, Trends, Forecast], 2025, vol. 18, no. 1, pp. 220–242. DOI: 10.15838/esc.2025.1.97.13. (In Russian).
 10. Khranova M.N., Zorin D.P. Interregional migration in the Russian Far East and its impact on demographic security. DEMIS. Demograficheskie issledovaniya [DEMIS. Demographic Research], 2024, vol. 4, no. 4, pp. 152–164. DOI: 10.19181/demis.2024.4.4.9. (In Russian).
 11. Garibova F.M. Demographic development of the Russian Far East. Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya Ekonomika [RUDN Journal of Economics], 2024, vol. 32, no. 4, pp. 803–816. DOI: 10.22363/2313-2329-2024-32-4-803-816. (In Russian).
 12. Mishchuk S.N. Institutional structure of migration policy implementation in the constituent entities of the Far Eastern Federal District. Uroven zhizni naseleniya regionov Rossii [Living Standards of the Population in the Regions of Russia], 2022, vol. 18, no. 2, pp. 151–161. DOI: 10.19181/lsprr.2022.18.2.1. (In Russian).
 13. Voinov S.M., Ledeneva V.Yu. Adaptation mechanisms for foreign labour migrants in the Far Eastern Federal District. DEMIS. Demograficheskie issledovaniya [DEMIS. Demographic Research], 2025, vol. 5, no. 3, pp. 156–176. DOI: 10.19181/demis.2025.5.3.10 (In Russian).

References

1. GOST R ISO 21502-2024. Upravlenie proektami, programami i portfelyami. Rukovodstvo po upravleniyu proektami [Project, programme and portfolio management. Guidance on project management]. Moscow, Russian Institute for Standardization Publ., 2024. 52 p. Available at: <https://protect.gost.ru/gost/details/5076c5f3-36ac-4469-bf04-7a268681b08a> (accessed 22 July 2026). (In Russian).
2. GOST R ISO 31000-2019. Menedzhment riska. Printsipy i rukovodstvo [Risk management. Guidelines]. Moscow, Standartinform Publ., 2020. 20 p. (In Russian).

14. Mishchuk S.N. Transformation of international labour migration in the Russian Far East in the post-Soviet period. *Geografiya i prirodnye resursy* [Geography and Natural Resources], 2023, vol. 44, no. 4, pp. 137–147. DOI: 10.15372/GIPR20230414 (In Russian).
15. Alkhasov S.S., Ryazantsev S.V. Labour migration in a border region according to online recruitment data. The case of the Amur Region. *Uroven zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia], 2021, vol. 17, no. 4, pp. 431–441. DOI: 10.19181/Ispr.2021.17.4.1 (In Russian).
16. Avdeev Yu.A. The Far East. How to stop population outflow and make the region attractive. *Uroven zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia], 2021, vol. 17, no. 3, pp. 299–313. DOI: 10.19181/Ispr.2021.17.3.1 (In Russian).
17. Vliyaniya migratsionnykh processov na politicheskuyu, sotsial'nuyu i ekonomicheskuyu obstanovku, demograficheskuyu situatsiyu i nacional'nuyu bezopasnost' v sovremennoj Rossii / L.V. Matraeva, E.S. Vasyutina, N.I. Arhipova [i dr.]. Moskva: Rossijskij universitet druzhby narodov, 2024. 297 s. (In Russian).
18. Strategiya demograficheskoi politiki Dalnego Vostoka na period do 2030 goda i na perspektivu do 2036 goda [Strategy of demographic policy of the Far East through 2030 and for the period up to 2036]. Approved by Order of the Government of the Russian Federation No. 170-r of 2 February 2026. Available at: <https://static.government.ru/media/files/T9ePmAniCPclftBl2js06F08Xca36dlH.pdf> (accessed 22 July 2026). (In Russian).
19. Kontseptsiya gosudarstvennoi migratsionnoi politiki Rossijskoi Federatsii na 2026–2030 gody [Concept of the State Migration Policy of the Russian Federation for 2026–2030]. Approved by Presidential Decree No. 738 of 15 October 2025. Available at: <https://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/qVoObOeUrpLFcowQJADmTEz6DYjp7thW.pdf> (accessed 22 July 2026). (In Russian).
20. Otsenka chislennosti postoyannogo naseleniya na 1 yanvarya 2025 g. i v srednem za 2024 g. i komponenty ee izmeneniya [Estimated resident population as of 1 January 2025, average population in 2024 and components of change]. Federal State Statistics Service. Available at: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Ok-Popul_Comp2025_Site.xlsx (accessed 22 July 2026). (In Russian).
21. Elvira Nurgalieva. Implementation of master plans for cities of the Far East reached 200 completed facilities. Far East and Arctic Development Corporation, 17 February 2026. Available at: <https://erdc.ru/news/elvira-nurgalieva-realizatsiya-master-planov-gorodov-dfo-vyshla-na-otmetku-v-200-vypolnennykh-obekto> (accessed 22 July 2026). (In Russian).